

Трахтенберг А.Д. «Вещи, которые недоступны были ранее»: компьютеры и Интернет в структурах повседневности

УДК 316.772.5:316.722

Анна Давидовна Трахтенберг
кандидат политических наук,
старший научный сотрудник отдела философии
Учреждения Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург
(343) 251-70-37 cskiit@yandex.ru

**«ВЕЩИ, КОТОРЫЕ НЕДОСТУПНЫ БЫЛИ РАНЕЕ»:
КОМПЬЮТЕРЫ И ИНТЕРНЕТ В СТРУКТУРАХ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ¹**

Рассмотрено, как пользователи вписывают компьютеры и Интернет в социальный контекст и какие идеологические конструкты они применяют с этой целью. Выделены основные группы пользователей в зависимости от степени овладения компьютером, показаны различия в их понимании компьютерно-опосредованной коммуникации и социальных последствий информационной революции.

Элитарный дискурс, конструкты обыденного сознания, массовая культура, «информационное богатство», «информационная бедность».

За последние десятилетие в мировой социологии средств коммуникации сформировалось новое направление – «культурно-технологические исследования». Оно возникло на пересечении теории дискурса, культурных исследований, психоанализа и социального конструкционизма и направлено на изучение того комплекса дискурсивных практик, который формирует «мета-политику» речи о тех или иных средствах коммуникации. В рамках культурно-технологических исследований активно работает целая группа авторов как американских (Дж. Кэри, К. Мэрвин, Дж. Скоунз, Ш. Таркл, Ф. Тернер, К. Фишер и др.), так и немецких (Ф. Киттлер, Б. Зигерт и др.). Последователи данного направления опираются и на классическую теорию дискурса исходящую из первичности дискурсивных практик по отношению к любым вовлеченным в них артефактам, и на теорию медиадискурса Ф. Киттлера, основанную на аксиоме о том, что «технологически возможные манипуляции определяют, что в конце концов сможет стать дискурсом»[3, р. 232]. Наряду с историко-культуроло-

¹ Работа выполнена по интеграционному проекту УрО РАН и СО РАН «Модернизационные вызовы XX века: интеллектуальные трансформации», реализуемому совместно с Институтом философии и права СО РАН.

гическим анализом культурно-технологические исследования включают и эмпирические исследования процессов дискурсивного освоения новых технологий (сошлемся на классическое исследование К. Фишера о том, как американцы освоили телефон [2] и серию работ Ш. Таркл о том, как в 1970–1990-е гг. формировалось представление о «персональном компьютере») [4]. Они представляют особый интерес, так как позволяют проанализировать, как пользователи вписывают новые технологии в привычный социальный контекст и какие идеологические конструкты они применяют с этой целью.

В отечественном гуманитарном знании культурно-технологические исследования пока не получили должного развития. Это тем более вызывает сожаление о том, что происходящее в настоящее время в России информационная революция привела к массовому распространению новых коммуникационных технологий: сотовой связи, компьютеров и Интернета. Если количественные аспекты данных процессов постоянно изучаются и существует достаточно полная и подробная информация о том, как колеблется по социально-демографическим группам уровень проникновения сотовой связи, число персональных компьютеров на 100 домохозяйств и доля пользователей Интернета, выходящих в сеть не реже одного раза в неделю¹, то качественные аспекты освоения этих технологических устройств исследованы сравнительно слабо.

С целью в какой-то мере заполнить данный пробел в г. Екатеринбурге в июле 2008 г. была проведена серия из трех фокус-групп (объем каждой фокус-группы – 10 человек), направленная, в том числе, на изучение того, как пользователи вписывают компьютеры и Интернет в социальный контекст. Участники фокус-групп различались по степени освоения информационных технологий:

– *фокус-группа № 1* с участием молодых жителей г. Екатеринбурга, постоянно пользующихся компьютером и Интернетом, или «информационно богатых», по принятой социологической классификации (возраст от 20 до 35 лет, высшее образование, уровень доходов средний и выше среднего). Все участники фокус-группы № 1 имели дома компьютер, подключенный к Интернету, а также пользовались Интернетом и компьютером в течение рабочего дня. В среднем продолжительность пользования составляла 6 часов (имелись пользователи, которые указали, что работают на компьютере, подключенном к Интернету, до 9 часов в день);

– *фокус-группа № 2* с участием жителей г. Екатеринбурга среднего возраста, имеющих навыки пользования компьютером и Интернетом, но не пользующихся ими постоянно (возраст от 35 до 55 лет, образование высшее или среднее специальное, уровень доходов средний). Все участники фокус-группы имели доступ к компьютеру

¹ См., например мониторинг Фонда «Общественное мнение» «Интернет в России – Россия в Интернете».

и Интернету на рабочем месте, а также имели домашний компьютер. Однако к Интернету были подключены только 6 участников из 10. Средняя продолжительность пользования компьютером и Интернетом – 2 часа в день;

– *фокус-группа № 3* с участием пожилых жителей г. Екатеринбурга как имеющих, так и не имеющих навыков пользования компьютером и Интернетом, но осведомленных о существовании этих технологий, или «информационно бедных» по принятой социологической классификации (возраст старше 55 лет, образование высшее или среднее специальное, уровень доходов средний и ниже среднего). Только две участницы фокус-группы из десяти (пенсионерки, преподающие в средней школе) имели компьютер на рабочем месте и устойчивые, хотя и ограниченные навыки пользования им. Остальные либо вообще не умели пользоваться компьютером, либо пользовались им спорадически, только в присутствии младших членов семьи. Есть из десяти участников проживали в домохозяйствах, где, наряду с компьютером, имелся и Интернет.

Сразу же отметим радикальное несовпадение конструктов обыденного сознания как с элитарным дискурсом «информационной революции» и «информационного общества», активно используемым в государственных программах информатизации, и специалистами по информатизации из органов власти и бизнес-структур, образующих сообщество специалистов по информатизации. Вне зависимости от уровня освоения информационно-коммуникационными технологиями, участники фокус-групп данной серии испытывали явные затруднения при попытках определить «информационное общество». Это косвенно свидетельствовало о том, что процессы информационной революции воспринимаются ими нерелевантно. Они с большей или меньшей степенью успешности адаптировались к происходящим изменениям, но не были склонны воспринимать их в более широком социальном контексте. В связи с этим представляют интерес ответы участников фокус-групп на вопрос о том, как изменилась повседневная жизнь с появлением компьютеров и Интернета. Отвечая на вопрос об «информационном обществе» они пытались освоить чуждый им дискурсивный конструкт, а в данном случае респонденты говорили «своим языком», а не подстраивались под «язык государства». Какие же изменения были ими зафиксированы?

Что касается «информационно богатых», то они выделили две основные группы изменений: трудовой деятельности и межличностного общения. При этом изменения, связанные с межличностным общением, интересовали их гораздо больше, и они обсуждали их подробно и всесторонне (что составило резкий контраст с мучительными попытками определить, что такое «информационное общество»).

Очень важно, что участники фокус-группы № 1 с самого начала проблематизировали ситуацию межличностного общения с использованием информационно-коммуникационных технологий. В фокус-группе развернулось обсуждение того, в чем именно состоят преимущества и недостатки такого общения по сравнению с непосредственным межличностным общением.

Главным достоинством технологически опосредованного межличностного общения (с использованием ISQ) участники фокус-группы, как и следовало ожидать, считают его оперативность и способность «уничтожать пространство»¹.

– *И общение – не было бы «айсикью», я бы не писала подруге: «Привет, как дела?», а позвонила бы. Но зато я в курсе всех дел, потому что за один раз все не расскажешь, не спланируешь, а тут постоянно в курсе дел, постоянно контакт происходит.*

– *Объективно есть вещи, которые недоступны были ранее. Вот у меня друг сейчас в Германии, и каждый вечер списываешься в «айсикью», и он присылает фотки. Я по человеку скучаю, и я с ним общаюсь. Это не суррогат общения, это она само! А то пришлось бы ждать две недели.*

– *Да, у меня тоже положительный опыт – друг очень хороший уехал в Штаты, а постоянно общаемся, он постоянно рядом. А туда лететь десять-двенадцать часов! Появилась возможность общаться с людьми на другом конце планеты, обмениваться фотографиями и поддерживать связь.*

Главный недостаток – это отсутствие невербальной составляющей, что не позволяет определить истинные мотивы собеседника, сформировать адекватное представление о его личных качествах.

Раньше люди все равно как-то и вербально общались, и невербально. Взглядами и жестами можно передать то, что нельзя передать в «айсикью» смайликами, хотя сама пользуюсь «смс-ками». И была у меня ситуация, когда я поругалась с мужем, потому что когда он пишет, получается одно, а когда говорит – абсолютно другое. То, что пишет, приятно, а когда в лицо говорят то же самое, но с другим выражением глаз – это другое! Все равно людям надо общаться непосредственно, лицом к лицу. А сейчас общение скатилось на ноль!

– *Насчет общения согласна, что вербальное общение не заменить компьютером.*

– *Я в «аське» я не знакомлюсь, нет. Я только реальные контакты перевожу в виртуальные, а не наоборот. У меня был один случай, это было ужасно...*

– *А мы подружке только объяснили, как «аськой» пользоваться, она в первый раз сразу познакомилась и три года вместе живут!*

¹ Приведенный курсивом текст реплик участников фокус-групп публикуется без редакторской правки.

– Я одно время жила в «вирте», очень много было виртуальных друзей, и только трое перешли в реальную жизнь, с двумя общаюсь, и не жалею. А про «слепое свидание» – это смешно! Привет – привет, встретимся, и у каждого свой образ в голове. И ты общаешься со своим образом, а человек может быть совсем другим, небо и земля! Если совпадают реальность и «вирт», это классно, но это очень редко.

– Я же говорю – я только реальные контакты перевозжу в виртуальные, а в Интернете отклоняю предложения познакомиться – мне это не интересно. Вокруг меня и так много молодых людей!

Как видим, участники исходят из того, что технологически опосредованному общению в полной мере доверять нельзя. У них, что вполне объяснимо, отсутствует сформировавшееся в рамках постмодернистской теории представление о «расщепленной идентичности» пользователей Интернета, однако имеется четкое осознание того, что «реальный человек» и его «виртуальный образ» никогда не совпадают между собой. Именно поэтому неограниченное общение в Сети рассматривается ими как опасное. Можно говорить даже о формировании новой этикетной нормы «порядочная девушка не знакомится в Интернете», как и о появлении нового типа историй о «чудесном замужестве» («В аське познакомились и три года вместе живут»).

Участники фокус-группы № 1 подчеркивали, что технологически опосредованное межличностное общение резко снижает возможности контроля за поведением членов микрогруппы:

– А я из-за «айсикью» я поругалась с мужем – что он общается с кем-то там по Интернету, а не со мной, которая сидит рядом! Разругались и полмесяца не общались!

– Меня молодой человек тоже к «аське» ревновал, хотя не сидел рядом! Но чувствовал...

Еще один аспект технологически опосредованного общения – это возможность найти старых знакомых и родственников, тем самым расширяя сферу коммуникации. Все участники фокус-группы № 1 пользовались услугами социальных сетей («Одноклассники.ру» и «В контакте»), но, как и в случае с общением по ISQ, их отношение к новым возможностям является двойственным.

– Я родственников в Англии нашла. Вернее, меня нашли. В «Одноклассниках» написали, что была такая бабушка, а у бабушка сестра. Я слышала о ней рассказы, но я, наверно, лет двадцать назад ее видела, ее никто не вспоминал и вот!

– Старых знакомых находил... То же «В контакте»... просто вместе в работали, начинаешь общаться, на общие темы, потом на личные, и можно найти человека и использовать для дальнейшего общения.

– Я, честно говоря, не совсем вижу смысл, чтобы найти дальних знакомых. Пишут: «О, привет, десять лет назад вместе учи-

лись, как в третьем классе крестикам вышивали помнишь?» «Помню». И все, и разговаривать больше не о чем! Чисто для галочки!

– У нас раз в год проходит встреча нашего класса стабильно, и видим, как изменяются люди. А с одной садичной подругой я до сих пор общаюсь – в восемь месяцев познакомились и так с тех пор общаемся. Нам «Одноклассники» не нужны!

По мнению участников фокус-группы № 1, выход в социальные сети расширяет сферу коммуникации только формально, поскольку у участников [уже] нет общих интересов и, соответственно, стимулов для общения.

Таким образом, «информационно богатые» исходят из того, что технологически опосредованное общение является менее насыщенным, надежным и контролируемым, чем общение межличностное. Его преимущества очевидны тем, где межличностное общение по тем или иным причинам (в основном из-за расстояния) затруднено, во всех остальных случаях оно должно играть вспомогательную роль. Выход технологически опосредованного общения на первый план рассматривается как серьезная социальная дисфункция.

– Вот раньше после школы ходили в футбол поиграть, а теперь сидят за компьютером – кто-то в «стрелялки» играет, в игрушки, кто-то ищет...

– Общество разделилось на разные классы. Есть слабые люди, для которых Интернет – вторая жизнь. Они там живут и уйти не могут, потому что у них самооценка ниже нуля, ниже плинтуса. Но нельзя всю жизнь провести за компьютером, это абсолютно виртуальный мир.

Как видим, для участников фокус-группы понятия «виртуальная реальность» и «виртуальный мир» носят скорее негативный характер. Они воспринимаются не как альтернативная реальность, а как реальность «вспомогательная» и «вторичная», и главная опасность видится в том, что может произойти замещение «виртом» первичной и основной реальности. Отсюда несколько раз повторяющееся утверждение, «Интернет – это как зараза».

– В Интернете все очень быстро и оперативно, и как зараза – не можешь выйти, сказать себе нет. Компьютер не так затягивает, там возможности другие.

Характерно, что ограничения, налагаемые телесностью, воспринимаются участниками фокус-группы как *преимущества* технологически неопосредованного межличностного общения, а не как недостатки. Их вовсе не привлекает идея «множественной идентичности», а отсутствие возможности контролировать общение членов микрогруппы вызывает тревогу и раздражение. Иными словами, не только элитарный этатистский дискурс, но и постмодернистский дискурс информационного общества не адаптирован обыденным сознанием.

Что касается второго аспекта изменений, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий, то участники фокус-группы № 1 отмечали, что благодаря компьютеру резко ускорилась работа с документами и облегчился поиск информации.

– В работе произошли большие изменения. Это да, у нас страна бюрократии, и очень много информации на [электронном] носителе, и ты не зарываешься в бумажки, не дышишь старой пылью архивной. Это да.

– Я работаю в проектном институте. Еще лет семь назад там чертили на кульманах. Это был ужас, конечно! Я экономист, меня это не коснулось, но тогда любая ошибка – выкидывай и рисуй заново! А сейчас неправильно – исправил быстро и все! Это очень сильно ускорило.

– И мы тоже сидели, считали на калькуляторах, сидели по ночам, ночевали на стульчиках. Сейчас ошибся – поправил цифру, и компьютер пересчитал, и все.

– У меня родители очень довольны. Папа просто в восторге, у него ноутбук, там у него все. Мама сначала боялась, ходила на курсы, одолела еле-еле. И теперь сидят не с бумажками, а с компьютером – переход технологический произошел!

Перемены в характере трудовой деятельности участниками фокус-группы не проблематизировались. Они просто фиксировали, что имеют место быть. Единственный недостаток, который был отмечен в ходе обсуждения данного аспекта изменений, – это усиливающаяся зависимость пользователей от специалистов по компьютерным технологиям.

– Программиста вызывают и ждут, что они все сделают. Не включается – зову программиста! А про электричество забыл, что в розетку вставить надо!

– У нас чисто механическое повреждение было, картридж вытащить надо было. И приходит программист, и ему начали претензии предъявлять – почему принтер сломался?

– Они не понимают, что это разные вещи. Если ты программист – ты должен заниматься всем!

– Как говорится, если все работает, программист отдыхает. Это его работа, отдыхать!

Участниками фокус-группы № 1 было отмечено такое следствие информационной революции, как резкое повышение доступности информации. Напомним, что именно это повышение было названо ими в качестве основной характеристики информационного общества. Но если при обсуждении конструкта «информационное общество» они пытались более или менее успешно мыслить в рамках социума в целом, то при переходе на язык повседневности на первый план вышли прагматические соображения.

– *Информация стала доступней и получить ее стало проще, чем идти в библиотеку, искать книжку...*

– *У родителей изменилось отношение. У меня отец мало имеет дела [с компьютером и Интернетом], и считает – ты умеешь, ты и найди. А там полчаса искать... Интеллектуальную работу ценить перестали! Если бы пошла в библиотеку, и искала две ночи, они бы оценили. А сейчас это не считается за труд!*

Как видим, при общении с «информационно бедными» «информационно богатые» склонны рассматривать умение искать информацию в Интернете как особый, социально престижный навык (когда они говорили о том же навыке применительно к самим себе и «среди своих», они вообще не склонны были его выделять и рассматривали как неотъемлемый элемент комплекса «умение работать на компьютере»).

Вообще для «информационно богатых» центральным вопросом является не то, в какой мере «виртуальная реальность» освобождает человека от иерархического общества и ограничений, наложенных телесностью, а о том, как правильно вести себя в этой реальности и вообще правильно использовать новые технологии.

– *Компьютер ускоряет жизнь! Мы можем успеть гораздо больше! Ведь раньше у родителей даже не в каждом доме стоял домашний телефон. Seriously! Но успеваем ли мы больше на самом деле? Это философский вопрос.*

– *Теперь нужно больше организацию иметь, чтобы использовать Интернет по назначению. Держать себя в ежовых рукавицах, чтобы не каждые пять минут мэйл проверять и в игрушках сидеть.*

– *Интернет надо использовать больше для связи, и для автоматизации работы. Чтобы использовать все ресурсы, а не просто компьютер – новая игрушка, пускай стоит! Тогда это оправдано, а так зачем...*

Чтобы дополнительно оценить характер представлений участников серий фокус-групп об изменениях, связанных с массовым распространением в обществе информационных технологий, их просили ответить на вопрос о том, как изменилась бы жизнь, если бы эти технологии исчезли. Сразу же подчеркнем, что «информационно богатые» с трудом представляют себе мир без информационных технологий, но при этом они полагают, что главные сложности создаст не отсутствие Интернета, а отсутствие компьютеров, чем еще раз подтверждается вторичный в их глазах статус виртуальной реальности и виртуального общения.

– *Мир так приспособился к информационным технологиям, что если резко отключить, то будет что-то наподобие даже хаоса! Я не представляю даже, что будет!*

– *Можно, но сложно... Это настолько затягивает, бывает, что сидишь, уже охота спать, так нет – интересная статья, надо читать! А с другой стороны останутся журналы, книжки – аль-*

тернатива получения информации [по Интернету]. А для общения тот же телефон.

– Главная проблема – это компьютер... Фильмы и музыку я могу и так послушать на других вещах... Вот что печатать или таблицы делать придется от руки, и переделывать всю страницу, если ошибся...

– Интернет – это как зараза! Можно и без него – с друзьями пообщаться по телефону, новости узнать по телевизору. А без компьютера – никуда. Как ты без «Excel»'я считаешь?

– Мне без Интернета не хватало бы денег – я делаю много звонков по работе, и если через сотовый или обычный телефон, это было бы дорого, и отняло бы очень много времени. А про мир... Я смотрела по телевизору про режимы вроде Сталина или Гитлера. И что сейчас это нельзя, потому что людей нельзя отгородить, так что это хорошо, что есть Интернет!

– Если бы не будет компьютера, это конец, учеба вся на нем завязана – это нереально написать пятьдесят страниц в день. Это будет катастрофа!

– Мы же писали!

– Я понимаю, я могу, справлюсь, но это намного хуже, неудобнее. А что касается Интернета, то самое необходимое – это общение, связанное с координацией действий. Если всех обзванивать в общественной деятельности, будет очень неудобно – кто-то что-то не сможет и все...

Таким образом, участники фокус-группы № 1 склонны проблематизировать и обсуждать различные аспекты технологически опосредованного общения, однако не воспринимают его как неотъемлемую часть своей жизни. В то же время компьютеры как инструменты работы с текстовой информацией в такую часть жизни уже превратились и приобрели статус «анонимных объектов», так что требуются направленные усилия для тематизации данного феномена в их сознании.

«Информационно зажиточные» оценивают влияние информационных технологий на общество заметно сдержаннее, чем «информационно богатые». Если для последних исчезновение этих технологий породит «что-то наподобие хаоса», то первые полагают, что «все останется в тех же границах, как было». При этом и представители фокус-группы № 2 главные изменения связывают с компьютером, а не с Интернетом.

– [Изменилось общество] существенно, но не глобально, все осталось примерно в тех же границах, как было...

– Глобально мир изменил компьютер, а не Интернет...

– Без Интернета я спокойно обойдусь, а вот компьютер...

– Все-таки возможности общения и обмена информацией, доступности [информации] бы снизились...

– Для работы можно было бы обойтись – в библиотеку сходил, что-то отксерил, переписал. Правда, сейчас осталось нажать кнопки и получить, что требуется. К хорошему быстро привыкаешь...

– Мне бы пришлось без компьютера и Интернета все от руки заполнять – я сильно экономлю время.

– Я с финансовой стороной общаюсь, там многие технологии на Интернете завязаны, и плохо представляю, как бы это на бумагу перевели. Сейчас перевод денег от счета купюр занимает максимум два дня, на бумаге это неделя.

– У нас вся техника завязана на компьютеры – стало бы намного сложнее работать чисто технически.

– А я работаю в такой сфере, где от этого ничего не изменится.

В данной группе компьютер успел превратиться в «анонимный объект» как неотъемлемый элемент рабочей деятельности, в то время как «без Интернета можно обойтись». Однако проблематизируется в ходе обсуждения именно общение посредством Интернета. Главное отличие участников фокус-группы № 2 от участников фокус-группы № 1 состоит в том, что для «информационно зажиточных» общение по Интернету – это проблема, которая связана с их детьми.

– Минусов много появляется – слишком много времени дети проводят за компьютером. По полдня, а в каникулы весь день. Раньше вживую со сверстниками общались, а теперь у меня дочка в «аське» общается, переписывается с человеком, который живет с ней в одном доме... с троюродным братом. Нет, чтобы во дворе поиграть!

– Зато сидит дочь, общается в «аське», можно подойти, прочитать предложение – хоть узнаешь, чем ребенок живет!

– Они разучатся скоро общаться.

– Нет! Вживую они тоже общаются, по телефону.

– Слишком много времени занимает все-таки.

– Дети по Интернету общаются постоянно.

– У них жизнь там больше.

– Друзья все там.

Как видим, и в фокус-группе № 2 технологически опосредованное общение имеет более низкий статус по сравнению с непосредственным «общением вживую». Любопытно, что при этом телефонное общение также рассматривается как «общение вживую», то есть включается в одну группу с технологически непосредственным общением. Можно предположить, что это связано с тем, что телефон давно уже стал привычным «анонимным объектом», а компьютерное общение воспринимается достаточно экзотическое и непонятное. С точки зрения участников фокус-группы № 2 компьютерно

опосредованное общение является не просто вторично по отношению к непосредственному, оно является его [негативной] оппозицией, так что научиться активно общаться посредством Интернета означает «разучиться общаться вживую».

При этом участники фокус-группы № 2 приводили и отрицательные, и положительные примеры установления (разрушения) устойчивых социальных связей посредством технологически опосредованной коммуникации.

– Я знаю пример, когда люди познакомились по «смс-кам». Сервис знакомств был, поженились, у них ребенок, квартиру купили...

– Я знаю тоже такие браки через сайты знакомств.

– Я тоже знаю. Хотя сама не общаюсь...

– У меня сын-инвалид, он по Интернету нашел себе невесту из Москвы, семья создана нормальная, здесь живут...

– А мои друзья развелись через Интернет. У него в «аське» девушку она засекала, у нее стало мужчин еще больше, и через несколько лет развелись.

– А муж дочки однокурсницы в психиатрической клинике закончил свою жизнь из-за компьютера. Серьезный человек был молодой, и вот так кончил...

Характерно, что все эти примеры никак не влияют на общее негативное отношение участников к общению по Интернету. Они признают существование новой возможности, но рассматривают приведенные примеры скорее как «любопытные житейские истории», чем как свидетельство того, что Интернет кардинально изменяет структуру повседневного общения.

Что касается собственного общения посредством Интернет, то для большинства участников это замена «общению вживую» в тех ситуациях, когда по тем или иным причинам такое общение затруднено или невозможно.

– Настолько жизнь убыстряется... сколько у вас человек в личном общении – ну пять, ну десять. А через Интернет – сотни!

– С некоторыми людьми я общаюсь только через «Одноклассников». Если бы этого сервиса не было, я бы с ними не общался вообще.

– У меня общение через Интернет, бывало, начиналось, потом познакомились, но это другой уровень общения, и оно постепенно заканчивается. Либо в телефонное переходит, либо в личное, или заканчивается вообще. И даже с близкими знакомыми мне лучше по телефону. Это другой уровень общения. Вот в «Одноклассниках» мы организовали встречу – была общая идея, мы ее обсуждали. Встреча прошла, идея общая закончилась и все! Приоритет имеет личное общение.

– Я по примеру детей знаю – или наступает личная встреча, или общение прекращается...

– Я очень хорошо общаюсь с племянником, который живет в Красноярске. Общаемся каждый день и такой живой диалог! И при личной встрече, раз мы родственники, тоже.

– С близкими людьми на расстояние очень удобное общение, а с чужими людьми – зачем? А если с друзьями, так я лучше лично.

Таким образом, для «информационно зажиточных» главные и безусловно позитивные изменения связаны с появлением компьютера, существенно облегчившего их трудовую деятельность. Что касается Интернета, то к нему они относятся двойственно, и выражают опасения, что общение по Интернету может вытеснить «общение живую». Хотя термин «виртуальная реальность» в ходе обсуждения не был упомянут ни разу, можно предположить, что речь идет именно об опасениях, связанных с заменой всех видов повседневной активности взаимодействием с экраном компьютера (характерно, что для описания того, как происходит общение, используется устойчивый оборот «сидит за компьютером»).

«Информационно бедные» оказались единственной группой, где изменения, связанные с массовым внедрением информационно-коммуникационных технологий были определены как «прогресс», причем прогресс, который носит насильственный характер и едва ли не навязан «Западом».

– Прогресс может и есть... и то благодаря открытости с Западом, а то ничего бы у нас не было, До сих пор бы на счетах считали!

– Да нет. Там много наших ученых было.

– У меня работа не связана с компьютером, я только все на дочь перевожу. У нее без компьютера трагедия, а у меня... Чтобы информацию получать есть газеты, есть телевидение. Для меня чтобы без компьютера – ах, все, жизнь остановилась, для меня не так...

– Я бы уже все равно не смогла стать такой, как было до Интернета – я лучше вперед буду идти.

– Вас заставляет работа, вам надо, а без работы он для чего нужен?

– Заставят на каждую семью купить компьютер. Вот тогда все научатся!

– Ой, когда мы доживем до этого...

– Насильственно как можно вводить?

– Это не насильственно, это необходимость.

Иными словами, участники фокус-группы оперируют классическим советским дискурсом «догоняющей модернизации», характерными чертами которого как раз являются заимствование изобретений и их насильственное внедрение под лозунгом «необходимости». Участники искренне не замечают, насколько этот дискурс приходит в противоречие с реальными процессами российской информатизации, носящей по преимуществу стихийный характер.

Столь же традиционный характер имело и обсуждение специфики компьютерно опосредованной коммуникации. Фактически участники фокус-группы № 3 воспроизводили дискурсивные комплексы 1960–1970-х гг., связанные с оппозицией «человек – робот». На этом, самом раннем этапе освоения информационных технологий имеет место «романтическая реакция на понятие «почти что живой машины». Людям даруется священное пространство, которое служит основой их человеческой уникальности. Люди являются чем-то особенным, потому что у них есть чувства и потому что их нельзя запрограммировать» [4, р. 84]. Именно эта романтическая реакция и была зафиксирована у фокус-группы № 3.

– *Полностью подчинять себя машинам мы не должны: у нас должно быть сознание, душа, человеческое отношение и живое общение. А не как машина с машиной!*

– *Человек уже не человек, а как робот.*

– *Будут людьми управлять как роботами!*

– *Не приемлю я такое.*

– *Считаю, должно быть пятьдесят на пятьдесят. Живое общение должно быть, без всякого этого Интернета! Там за секунду где-то что-то случилось, и мы знаем все, а это не всегда надо...*

– *Есть такие сферы, в которые электронное не применимо. Тоже искусство. В театр все равно надо прийти и увидеть, окунуться в атмосферу. Да, прежде чем пойти в музей, я на сайте посмотрю. Но я не напилась, я только получила информацию. А вот подпитка духовности, которую дают посещение музея имени Пушкина – мы бродили по тридцати залам, там было «золото Трои» и так это было... Внучка только кричала – бабушка, ты посмотри! И там так много импрессионистов – я когда бы это все увидела! Это не репродукции... Есть такие сферы, куда электроника табу, этого не должно коснуться.*

– *Человек не может существовать без чувств, а это такое большое пространство...*

– *Робот все умеет делать как человек, но он не человек – ума нет в голове.*

Таким образом, там, где участники фокус-групп № 1 и 2 видят общение посредством машины, участники фокус-группы № 3 видят общение между машинами.

– *С компьютером когда общаются, это и есть информационное общество. У знакомых сын придет из школы, как сядет за этот компьютер, ни друзей, никого нет, нигде не общается... общение только с компьютером, что ли?*

Соответственно, главная опасность компьютеров и Интернета состоит в том, что люди «отучаются думать», а точнее – утрачивают привычные социальные навыки получения информации («отучаются читать»). В сознании участников фокус-группы присутствует

четкая оппозиция между «правильным/подлинным мышлением» и его техническим суррогатом. Приведем характерный фрагмент обсуждения.

– *Раз кругом компьютеризация будет, вообще головой не надо думать станет! Я слышала, что скачивают все из Интернета – не надо в библиотеку ходить, не надо учиться – все там есть, все ответы.*

– *Их же все не запомнишь.*

– *Не надо думать головой! Книги не читают, книги не нужны...*

– *Тут отношение двоякое, я вам скажу как литературы преподаватель. Я сыну говорю – чего ты, Сережа, книг не покупаешь... А он говорит – я их не буду дома хранить, я открою компьютер и прочитаю любую книгу. Они считают, что могут использовать компьютер во всех отношениях...*

– *И он совсем книг не читает?*

– *Почему? На экран все выводится.*

– *Тут смотри и не читай!*

– *Так текст и есть как книга, только листать не надо, и меньше места занимает, чем в книжном шкафу.*

– *Только глаза больше портятся!*

– *А книгу читаем лежа, не меньше портим зрение!*

Компьютер явно воспринимается как машинный эквивалент «головой», избавляющий от необходимости думать. Характерно, что одна из участниц дискуссии продемонстрировала искреннее непонимание того, что на экране компьютера информация может быть представлена в текстовой форме. У нее явно присутствовало впечатление, что информация из компьютера транслируется в мозг напрямую, без посредства какого-либо кода.

Любопытно, что то же самое представление об эквивалентности «головой» и компьютера было характерно и для участвовавшей в фокус-группе пожилой преподавательницы, очень гордившейся тем, что ей удалось освоить компьютер.

– *Дети когда совсем необучаемые, я с досадой думаю – почему мой компьютер нельзя подключить к твоей голове, чтобы мои знания могли в твою голову перелиться!*

В целом участники фокус-группы № 3 успешно воспроизвели основные положения известной дискуссии «физиков и лириков»: «На уровне социологии это может быть описано как отделение тяжелого физического труда от знания, на уровне философской антропологии – отделение «тела» от «интеллекта», «материи» от «силы». И, наконец, как противопоставление разных пространств подлинности – «природы» и «цивилизации» [1].

Важнейшим элементом элитарного дискурса является конструктор «электронное государство». Как и в случае с «информационным обществом», участники всех фокус-групп серии испытывали

явные затруднения, пытаюсь определить, что это такое. В результате при попытке первичной рефлексии над понятием на поверхности оказались разнообразные дистопические представления, связанные со страхом перед установлением тотального контроля над обществом со стороны компьютеров как носителей «машинного разума». Отметим, что эти представления являются неотъемлемым элементом «закрытого» компьютерного дискурса времен холодной войны, когда компьютер воспринимался как реификация безличного бюрократического государства.

Наименьшие опасения «электронное государство», как и следовало ожидать, вызывало у «информационно богатых». Сам термин вызвал у них недоумение и показался устаревшим.

– *Термин сам какой-то дурацкий, из учебника. Само слово «электронное»: вспоминаются ламповые компьютеры, к новым технологиям это не относится.*

– *Информационное государство как-то более звучит!*

«Информационно богатые» фактически отождествили «электронное государство» с разнообразными сообществами в Интернете, в которых власть принадлежит сетевым администраторам и модераторам.

– *Может, это «Одноклассники», «В контакте», еще какие-то сообщества? Ну, люди, которые там живут... своей жизнью.*

– *Если государство, оно должно функционировать, власть должна быть, законы, Конституция.*

– *Это там все есть? Какие признаки государства? Территория есть – «Точка.ком», деньги – «Яндекс-деньги», жители – «В контакте» есть!*

– *А власть там есть или законы?*

– *Есть! Они существуют! Есть владельцы, администрация...*

– *Да, можно с государством проассоциировать легко...*

– *Другое дело, что жителей слишком просто убивать! Раз и всё!*

– *«Электронное государство» – это когда все сидят дома и все заказывается по Интернету, и компьютеры становятся умнее человека. Как в мультике «Валли-о».*

– *Оно же не может быть само по себе, оно не может быть без реального мира.*

– *Реальные люди-то у компьютера сидят!*

– *Мы питаемся тем, что растет, бегают, прыгает, а не информацией!*

Для «информационно богатых» «электронное государство» – это любое виртуальное сообщество с абсолютной властью администратора, а главная его характеристика – легкость, с которой может быть уничтожен любой «подданный» этого государства. Впрочем, представители этого сегмента пользователей четко различают реальность и виртуальность, и подчеркивают условность самых жестких форм сетевого контроля за поведением.

«Информационно зажиточные» с ходу определили «электронное государство» как «что-то страшное» и в полной мере отдали дань дистопическим опасениям, связанных с установлением тотального контроля над информационных технологий над людьми («всем вживят чипы» и т.п.). При этом они прямо указывали на источник данных опасений – соответствующие произведения массовой культуры, включая популярный фильм «Матрица».

– *Что-то страшное...*

– *С чипом сразу ассоциируется. «Дух времени» был такой фильм антиглобалистский: что всем вживят чипы.*

– *«Матрица» какая-то...*

И в данном случае для участников фокус-группы было характерно отождествление Интернет-сообществ с «электронным государством». Но если с точки зрения «информационно богатых» власть в таких сообществах принадлежит системным администраторам и модераторам, то с точки зрения «информационно зажиточных» – это «власть компьютера».

– *Если есть свой язык, свои права и обязанности, и они общие для всех – это государство. И не соответствует территориально ничему.*

– *Поскольку в Интернете законы весьма условные, он тоже государство – там договариваться надо на каком-то уровне.*

– *Государство – это власть.*

– *В Интернете власти нет.*

– *Власть компьютера!*

В ходе обсуждения в фокус-группе № 2 был затронут еще один аспект «электронного государства» – оно понималось как государство, контролирующее компьютерно опосредованную коммуникацию.

– *Государство тоже может. Вон в Китае отключают «Гугль». Это больше связано с ограничением информации, контролем за ней – электронное государство.*

– *Я тоже думаю, что это контроль за перечислением денег, и прочее. Мне это не нравится, хотя это, наверно, неизбежно.*

– *Хотят же периодически в Интернет цензуру ввести.*

«Информационно бедные» продвинулись на пути «демонизации» и реификации «электронного государства» дальше всех. В этой группе термин оказался совершенно неизвестным, но при этом был легко интерпретирован в духе фантастических романов-дистопий 1960–1970-х гг. как господство электронных машин над людьми.

– *Электронная почта – да, знаю. А электронное государство...*

– *Это в фантастическом романе... Я против того – раз электронное государство, значит, вместо человека будет кто-то другой... не человек, а машина.*

– Я – против. Должно быть человеческое государство и в помощь человеку компьютер.

Таким образом, чем меньше у пользователей реальный опыт компьютерно опосредованной коммуникации, тем сильнее выражены опасения, что «компьютеры захватят власть над миром». При этом имеет место полное несовпадение элитарного элитаристского дискурса «электронного государства» и постмодернистского дискурса «Интернета как места без власти» с обыденными представлениями о том, как устроена власть в виртуальных сообществах, кто является ее носителем и в какой мере эти сообщества могут быть подчинены государственному контролю. Обыденные представления основаны, с одной стороны, на реальном опыте общения в виртуальных сообществах, где всегда имеет место определенная иерархия, а с другой – на «закрытом» компьютерном дискурсе времен холодной войны с его страхами, что машины захватят власть над обществом и подчинят себе людей. При этом если пожилые участники исследования («информационно бедные») опираются на данный дискурс напрямую, то участники среднего возраста ориентируются на более поздние произведения массовой культуры, где данный дискурс эксплуатируется (прежде всего это фильм «Матрица»).

Для того чтобы подтолкнуть участников фокус-групп к рефлексии над процессами информационной революции, их дополнительно просили описать, как они представляют себе будущее развитие информационных технологий («через двадцать лет»). Сразу же подчеркнем, что во всех сегментах пользователей наблюдалась тенденция экстраполировать существующее положение вещей в будущее, причем основные изменения понимались как сугубо технические: ни о каких социальных аспектах информационной революции речь не шла.

«Информационно богатые» участники фокус-группы № 1 либо не видели никакой особой необходимости в дальнейшей эволюции компьютеров, либо утверждали, что основным направлением этой эволюции станет максимальное приспособление к потребностям пользователя так, чтобы компьютер можно было постоянно иметь при себе.

– Если смотреть по тому, как развиваются информационные технологии, те же процессоры, то сам размер чипа уменьшается, но становится все больше система охлаждения... Так что скорее всего кардинально какого-то нового компьютера не появится. Может, частота увеличится, внешний вид изменится... А что мне будет от него нужно через двадцать лет – я не знаю... Вон студенты у нас работают на 98 «Виндоусе», и им больше не надо!

– Мне моего ноутбука – мне вот так! Я могу делать все, что мне надо – и все. Еще если бы его можно было положить в дамскую сумочку, и чтобы не заряжался сутки.

– *И чтобы он раскладывался – какой надо размер, такой и сделал.*

– *Тоненький, красивенький.*

– *Розовенький! [смех].*

– *Очень плоский... чтобы скручивался. Есть такие, как резиновые. Как коврик...*

– *Чтобы подумала – и он уже на столе стоит или в сумочке лежит!*

– *И чтобы речь понимал человеческую, чтобы клавиатура была не нужна.*

– *Есть такая программа – я ей дома пользуюсь. Говорю: «Выключись!» и он выключается...*

– *А если с утра с плохой головой?*

– *А если голос охрип?*

Таким образом, для «информационно богатых» следующим этапом информационной революции должно стать максимальное удаление компьютера от традиционного образа «железной машины» и превращение его в гибкий, постоянно изменяющийся в зависимости от потребностей пользователя объект. В предделе участники фокус-группы № 1 связывали дальнейшее развития информационно-коммуникационных технологий с «киборгизацией», то есть сращением человеческого организма с электронными устройствами.

– *Мне неохота заниматься рекламой фильма, но вспоминается «Особое мнение» – там нечто среднее между машиной и людьми, и мне кажется, что придет к этому – объединение компьютера и человеческого мозга.*

– *Компьютер не будет одним большим устройством, а будет несколько небольших устройств. Парочка сенсоров на руке, или биозверек сидит, контактировать будет без проводов, и чтобы смотреть не надо экрана: как контактные линзы, одел и все!*

– *Что касается фантазий – то у меня такая мысль возникла, когда придумают телефон в руку встроить? И это решила бы проблему воровства телефона – только вместе с рукой! Это если будет что-то такое маленькое, незаметное, не мешающее, работающее от энергии человека... Не нужно было бы носить с собой предмет, и было бы безопаснее...*

«Информационно зажиточные» также видели главным направлением эволюции компьютерной техники ее максимальное приспособление к потребностям пользователя. Для них это приспособление состояло, во-первых, в миниатюризации системного блока, и, во-вторых, в переходе от реальной клавиатуры к виртуальной. Иными словами, в отличие от «информационно богатых» они разлагали компьютер на составные элементы. Эволюция каждого из них описывалась особо (что косвенно отражает специфику пользовательского опыта).

– Совсем маленькие, карманные, и чтобы компьютер и телефон – все вместе.

– Чтобы меньше места занимал.

– Чтобы был как книжка.

– Сейчас с ноутбуком долго не погуляешь – два с половиной килограмма!

– Чтобы он был маленький, но чтобы оставалась клавиатура – чтобы пальцам было удобно.

– Есть клавиатура, которую проецируешь на любой предмет и нажимаешь пальцем – ничего не надо таскать с собой. Я по телевизору увидел, очень удобно!

– На стол...

– На травку...

– Все что угодно!

– Чтобы [компьютер] был соединен с телефоном. Чтобы можно было подключать его по радиоканалу. И все.

– Или очки, чтобы прямо не снимая все смотреть.

У «информационно зажиточных» также присутствовало представление о «киборгизации» как о конечном этапе развития компьютерной техники. Однако им эта перспектива внушала не оптимизм (как «информационно богатым»), а серьезные опасения.

– Чтобы были в ушах постоянно наушники, и информация тут же поступала.

– Вживлять начнут!

– Это страшно...

– Врачи говорят, что от наушников дети глухнут.

– На кость сразу начнут передавать, и никто глухнуть не будет.

– Нет, такого не будет.

– В сердце начали приборы вживлять, начнут и все остальное...

– Линзы можно носить, которые будут давать изображения.

– Они уже сейчас есть...

– Надеваешь и видишь, что на экране.

– Напрямую проецирует.

– Получится человек – придаток компьютера: видит, что он показывает, слышит, что он говорит!

– Нет, не надо!

– Не надо, а так будет. Не остановится!

В фокус-группе № 2 присутствовали и опасения, что компьютерная техника может выйти из-под контроля человека, хотя идеология «бунта роботов» была выражена слабо и скорее в комическом плане.

– Слово «робот» появилось в двадцатых годах: ему говорили, он делал. Такое было воображение – пришел домой и команду, делай то или то...

– Это было бы удобно...

- *Чтобы общение было с компьютером без особых специальных знаний – как с человеком*
- *«Приготовь, помой...»*
- *А если сделает не то? Нет, пусть уж лучше плата... а если он что-то натворит, замкнет его...*
- *А если он идеальный, а мы не то нажали и не то пожелали, и все!*

Что касается «информационно бедных», то для них задача представить развитие компьютерной техники через двадцать лет оказалась слишком сложной. Точнее, все возможные опасения они уже выразили при обсуждении «информационного общества». Поэтому, рассуждая о будущем компьютерных технологий, они ограничились пожеланиями, чтобы технологии стали более доступными и не требовали специальных навыков для освоения. В идеале они хотели бы, чтобы пользование компьютером приняло привычные для них формы записи под диктовку или просто записи от руки.

- *Я хотела бы, чтобы я диктовала, а он все записывал. Чтобы голосовые сообщения принимал, этого я бы хотела.*
- *Чтобы на экране можно было писать рукой. Приятнее по-лучить рукописное, нежели печатное.*
- *Чтобы, если человек не совсем грамотный, он исправлял ошибки.*
- *Подключите, он и сейчас исправит.*
- *Он сам пишет с ошибками – сколько в бегущей строке ошибок, обращали внимание!*
- *Чтобы было понятно, как пользоваться. А то я поставил «Word 2007» и приходится методом «тыка» делать.*

В целом исследование продемонстрировало, что идеологический дискурс, вписывающий информационно-коммуникационные технологии в имеющиеся в рамках обыденного сознания представления об обществе, опирается не на существующие этатистский и постмодернистский дискурсы, а на представления, заимствованные из массовой культуры и опосредованные через личный опыт (или отсутствие такового) у пользователя. Чем ниже степень «информационного богатства», тем охотнее пользователи опираются на «закрытый дискурс» 1960–1970-х гг. с его культом компьютера как воплощения безличного бюрократического государства и с опасениями, что машины захватят власть над людьми. При этом уровень рефлексии над процессами информационной революции достаточно низок, и пользователи оценивают ее последствия прагматически исходя из соображений пользы и удобства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бобриков А. Суровый стиль: мобилизация и культурная революция // Художественный журнал, 2003. № 51-52 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xz.gif.ru/numbers/51-52/surovo> (проверено 15.10.08 г.).
2. Fisher C.S. America Calling, a social history of the telephone to 1940. Berkeley, Univ of California press, 1992.
3. Kittler F. Discourse Networks 1800/1900. Stanford: Cal. Stanford Univ. Press, 1990. 459 p.
4. Turkle Sh. Life on the Screen. Identity in the Age of the Internet. N.-Y.: Simon & Schuster, 1995.

RESUME

Anna Davidovna Trakhtenberg, Candidate of political sciences, senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian academy of Sciences. Ekaterinburg, (343) 251-70-38 cskiiit@yandex.ru

“Things which have been inaccessible earlier”: Computers and the Internet in the everyday reality

The author analyzes how Internet and computer users include these new technologies into social context and ideological constructions which are used for this purpose. She shows the cultural difference in understanding of computer-mediated communication and social consequences of information revolution depending on users' skills and demographical status. The article is based on the results of focus-group series, which took place in Ekaterinburg.

Elite discourse, common sense constructions, mass culture, information poverty, information richness

Материал представлен в редколлегияю 15.06.2009 г.